

СВИДЕТЕЛЬ
ЭПОХИ

СТАНИСЛАВ
Говорухин

В Е Р Т И К А Л Ь

МЕСТО ВСТРЕЧИ
ИЗМЕНИТЬ НЕЛЬЗЯ

МОСКВА
2018

УДК 791.43.071.2(470)
ББК 85.374(2)
Г57

Дизайн переплета: *Щукин Александр*

Фото на обложке: © ООО «Киностудия «ВЕРТИКАЛЬ»

Редактор-составитель *В. Краснопольский*

Говорухин, Станислав Сергеевич.

Г57 Вертикаль. Место встречи изменить нельзя / Станислав Говорухин. — Москва : Эксмо, 2018. — 544 с. — (Свидетель эпохи).

ISBN 978-5-699-84330-5

Более полувека в искусстве, четверть века — в политике. Режиссер, сценарист, актер, депутат, доверенное лицо Владимира Путина и глава его предвыборного штаба в 2012 году. А еще Станислав Говорухин — художник (самая знаменитая его картина — та самая черная кошка из фильма «Место встречи изменить нельзя») и философ.

В этой книге воспоминания Станислава Говорухина о себе и дорогих ему людях соседствуют с его размышлениями о жизни и кино, жанровыми сценками, даже притчами и частушками. Портреты Владимира Высоцкого и Николая Крючкова, Сергея Бондарчука, Вишневской и Ростроповича — рядом с зарисовками малоизвестных и вовсе безымянных героев. Сталинская и хрущевско-брежневская Россия перемешана с перестроечной и современной.

Из этой мозаики постепенно складывается цельный, многогранный, порой противоречивый образ человека, ставшего безусловным символом отечественной культуры, свидетелем ее и творцом.

УДК 791.43.071.2(470)
ББК 85.374(2)

© Говорухин С.С., 2016

© Издание, оформление.

ISBN 978-5-699-84330-5

ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Часть первая

РАССКАЗЫ. ЭССЕ.

ТРИ РОССИИ

Мне довелось жить в трех эпохах. В сталинской России, в хрущевско-брежневской и в нынешней, криминальной стране.

Когда умер Сталин, я плакал. Плакала мама, у которой усатый вождь отнял мужа, плакала бабушка, прожившая при Сталине совсем не сладкую жизнь. Плакал весь народ, кроме тех, конечно, кто понимал, что происходит в стране. Но они в основном жили в столицах и были приближены к высшей иерархии или имели косвенное к ней отношение, как одна наша знакомая, отсидевшая десятку за то, что служила домработницей в семье Пятакова.

Плакали, правда, уже от радости — целые народы, по которым прошел сталинский каток, — чеченцы, ингуши, балкарцы, карачаевцы, калмыки, крымские татары... Ну и, понятно, взревели от счастья два миллиона зэков, сидевших в лагерях, — настоящие герои сталинских «пятилеток», построившие ДнепроГЭС и Беломорканал, Норильскникель и Джезказганские рудники, до-

бывавшие стране руду, нефть, золото, серебро и вольфрам, «ковавшие Победу».

5 марта 1953 года мой друг, Вадим Туманов, шел в колонне колымских зэков — на работы. Сзади кто-то шепнул ему:

— Вадим, слышал: Ус хвост отбросил!

Через минуту вся колонна заключенных бушевала от радости. Конвоиры стали стрелять по верх голов.

Были, были люди, кто понимал. Но 250 миллионов не понимали!

В 1949 году я обманул райком комсомола, прибавил себе год возраста, чтобы скорее стать комсомольцем. Хотелось быть похожим на Олега Кошевого и Сережку Тюленева.

В 1956 году пошли слухи, что Хрущев прочел на съезде закрытый доклад о культе личности Сталина. Вскоре его содержание стало известно не только партийцам, но и всему населению.

С этого года и началась для меня новая эпоха. Эпоха прозрения.

Взрослея, я многое узнавал и о себе, и о своей стране. В истории моей семьи (как, впрочем, и в истории каждой семьи), как в зеркале, отразилась история страны. Прадед мой, Трофим Васильевич, — кузнец. Дед, Афанасий Трофимович, — сельский учитель. На десятый год советской власти его лишили избирательных прав. За что? Хоть и сельская, но интеллигенция — ненадежный народ!

Он стал «лишенцем». Для того чтобы его не сослали, он уехал работать туда, куда ссылали, —

в город Соликамск. Там были десятки концентрационных лагерей.

Мой будущий отец как раз там и сидел. Он был донской казак. Но в Соликамске он не задержался. Отсидел положенный срок, вышел, познакомился с моей мамой, «родил» сестру и меня и загремел дальше, уже в Сибирь.

Как всякий живой человек, я врал много — друзьям-товарищам, всевозможному начальству, своим близким. Но с высокой трибуны или в своих фильмах — не врал никогда. Легко ли было, существуя в искусстве, в идеологическом, так сказать, ведомстве, не погрешить против совести? Соблазн был велик: быть обласканным начальством, угодить самому Суслову... За этим следовали внеочередные звания, государственные премии, цацки на грудь, комфортные условия жизни, соблазнительные поездки за рубеж...

Я снимал в те времена безыдейщину (на Их взгляд): «Робинзона Крузо», «Тома Сойера», «Детей капитана Гранта»... Сейчас — когда свобода слова, когда говори что хочешь, — я и сейчас снял бы эти фильмы точно так же. Была однажды возможность согрешить, пойти против своей совести. Когда я работал над фильмом «Место встречи изменить нельзя». Это ведь не столько детектив, сколько социальный фильм. Соврать или умолчать можно было... Но мы сумели удержаться. «Место встречи» хоть и со скрипом, но появилось на голубых экранах.

Поэтому фильм и живет так долго — три десятилетия. Вот сейчас, когда я пишу эти строки, в соседней комнате, где работает телевизор, показывают — в тысячный раз! — «Место встречи изменить нельзя», все пять серий — нон-стоп.

Наступил апрель 85-го.

Выступил Горбачев, объявил о революции сверху — о перестройке. Призвал каждого гражданина лично участвовать в судьбе отечества.

Я с головой бросился в омут общественной жизни, в политику. Моя гражданская позиция не могла не отразиться в моих фильмах.

Так что это уже третья на моей памяти Россия. В ней я и живу, и работаю по сей день.

У-У, АРЕСТАНТ!

Отца у меня не было. Все разговоры об отце в семье пресекались. Став взрослым, понял: мама не хотела портить детям биографию, хотела, чтобы они получили высшее образование. У самой была жизнь — тяжелее не придумаешь, так хоть дети...

Вспоминаю: когда бабка сердилась на меня, ворчала:

— У-у, арестант! Вылитый отец...

«Ага, значит, отец был арестантом...» Спросить некого — и мама, и бабушка, и дедушка умерли к тому времени. Попросил сестру написать в Ростов (о том, что он был донской казак, мы знали).

Пришла бумага:

«Говорухин Сергей Георгиевич, 1908 года рождения, осужден на три года концентрационных лагерей... Бросил камень и произвел выстрел в окно, где проходило заседание деревенской бедноты...»

Ему было 20 лет.

Стало что-то проясняться. Видимо, отсидел в Соликамске три года, вышел, познакомился с мамой, «родил» сестру и меня и снова «загремел». Основания были (достаточные для того времени — 1937 год): во-первых, донской казак (казачество тогда пытались ликвидировать как класс), а во-вторых, однажды уже был судим. В анкетах я так и писал: «Умер в Сибири приблизительно в 1938 году».

Справочка для упертых коммунистов. Концентрационные лагеря придумал не Гитлер. Эта идея могла родиться только в здоровой половине полушария вождя мирового пролетариата. (Вторая половина полушария головного мозга у него была поражена.)

ЛОВЛЮ МУХ

Не осмелюсь сказать, что жизнь моя была богата какими-то исключительными событиями. Но кое-что все-таки было. Кое-где побывал, многое видел. Встречался с Великими. Бывал и в опасных передрыгах. Казалось бы, есть что вспомнить, записать, оставить внукам. Однако на память чаще всего приходит не большое и исключительное, а

так, всякая ерунда, какие-то обрывки воспоминаний из детства, из юности. Ну вот, к примеру.

Голодный 1947 год. Лето. Встаю с рассветом, ловлю мух. В августе в деревенской избе их тучи. Нужно быстрым взмахом руки поймать муху в ладонь, прижать чуть-чуть, чтобы обеспамятить ее, и отправить в спичечный коробок. На все это уходит минут пятнадцать. Иногда одним взмахом удается поймать двух, а то и трех насекомых. Коробок полон. Сюю в карман маленькую краюшку хлеба — это мой завтрак и обед, — хватаю удочку, и бегом по деревенской улице. У последней избы ждет меня приятель. Наиль, татарин, мой одноклассник.

С высоченного обрыва — самого высокого на всем побережье Волги — спускаемся к великой реке. По тропе бежать трудно: чуть превысил скорость — и уже не сумеешь остановиться, — упадешь, переломаешь все кости. Мы мчимся по осыпям. Тут и бежать не надо, осыпь — миллионы мелких камешков — сама несет тебя вниз, только успевай перебирать ногами, чтобы не упасть.

Иногда, ради острых ощущений, мы уходим по высокому берегу до ближайшего леска. И спускаемся к Волге неизведанными путями, то есть напролом, через заросли орешника и густые очаги крапивы. Крапива старая, выше человеческого роста. А на нас ничего нет, кроме трусишек и худых рубах. Орем благим матом, скатываемся к реке — и сразу в теплую быструю воду. Ах, какая же она была, Волга моего детства! Не стоя-

чая мертвая вода, как нынче, а чистая, быстрая, сильная, поистине Великая русская река.

(Позже, в университете, из всего марксизма я запомнил только одну замечательную фразу, сказанную Энгельсом: «Не надо радоваться нашим победам над природой, за каждую такую победу она жестоко мстит». Обуздали Волгу, понастроили плотин, вот она и отомстила. Теперь миллионы людей живут на берегах гнилого болота.)

Да, Волга была другая. Отплывешь на двадцать саженок — на сорок тебя снесет течением. Пока купались, пропустили утренний клев. Закинули удочки, да куда уж там — попались на крючок пара ершей да баклешек. Этих маленьких серебристых рыбок называют на Волге по-разному в разных местах.

Мы с Наилем разожгли костерок на берегу. Пора завтракать. Просовываешь сквозь ерша ивовый прутик и поджариваешь на огне. Рыбка приготовится раньше, чем прутик сгорит. Макаешь черствый хлеб в волжскую воду, и с жареной рыбкой... Бывали после этого у меня изысканные обеды и даже однажды завтрак с королевскими особами, но вкуснее этого завтрака на берегу Волги ничего не помню. Днем, до вечернего клева, делать нечего, купаемся до одури, угадываем названия пароходов. Это такая игра: пароход еще версты за три, а уже нужно угадать название. Вот показался из-за поворота высокий, трехпалубный, со стройными обводами. Это «Клим Ворошилов». А снизу, против течения, тяжело шле-

пают колесами низкий, широкий, с черным дымом над трубой. «Спартак!» — кричит кто-то из мальчишек. Но пароход приближается, и уже можно различить, что надпись над колесом длиннее, она из трех слов. «Память тов. Маркина». Такие вот бывали названия.

К концу августа пароходы снизу идут зеленые — это если смотришь на них с высокого берега. Вся верхняя палуба завалена арбузами — камышинскими, астраханскими.

Вниз по течению сплавляют плоты. Маленький черный буксир тянет за собой километровой плот. На середине плота — дымок. Вокруг костерка сидят люди. Наверное, едят уху. Им там приволье, плотогонам, — с плотов можно ловить стерлядь сетями.

Плоты сгоняют в Сталинград, который восстанавливается ударными темпами.

Кое-кто из мальчишек постарше ухитряется доплыть до плотов, забраться на бревна и даже попробовать ушицы. Потом плотогоны их, конечно, прогонят:

— А ну, мальцы, сигайте отсюда! Дом-то свой давно проплыли...

Мальчишек сносит течением километров на пять. Весь оставшийся день они бредут босиком по острым камням и едва поспевают к вечернему клеву.

А вот и клев начался. Тут уж только успевай взмахивать удилищем. Мухи в спичечном коробке давно кончились, ловлю мотылей, насаживаю на крючок.

Темнеет. Пора домой. На кукане у меня штук двадцать рыбешек и большой, плоский, кривой, как ятаган, серебряный чехонь. Начинается этот невысказанный подъем в гору. Идешь, идешь, ноги уже не держат, оглянешься назад, а Волга — она тут, рядом, под ногами плещется — кажется, ничего не прошел. Валишься от усталости на землю.

Вода покрылась золотом. Ни волнушки, ни ряби, только крупная рыба иной раз всплеснет хвостом, и пойдут от нее широкие масляные круги. Снизу, вдоль берега, идет лодка, нагруженная хворостом и сучьями. Мальчишка моих лет сидит на корме, правит коротким веслом, а отец, впрягшись, как бурлак, в широкую лямку, идет берегом, тащит на бечеве (веревке) груженую лодку.

И снова нескончаемый подъем. Бывали у меня в жизни высоченные вершины Кавказа, Памира, Тянь-Шаня, но тяжелее этой волжской горы, на которой стоит городок Тетюши, не было...

У ворот меня давно поджидает кошка. Облизывается, мяукает от нетерпения. Кидаю ей пару рыбешек.

Мама вытаскивает из русской печи горшок с тыквой, ставит на стол крынку молока. Хлеба нет. Он стоит дорого. Каждое утро мы покупаем у соседей — они сами пекут его — небольшой, граммов на шестьсот, каравай темного душистого хлеба. Это на весь день, на всю семью. Но зато тыква, нарезанная кусками, такая вкусная, сладкая. Она весь день томилась в печи.

Потом я сажусь на лавку, мама ставит мои ноги в таз с горячей водой... а дальше — провал в памяти, темнота.

Утром встаю, ловлю мух...

Какое счастливое было время!

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Первый раз я влюбился сильно, по-настоящему, очень рано. Я любовался ею, засыпая, думал о ней. Хотелось дотронуться до ее полной груди, прижаться к теплomu животу.

Она была воспитательницей в нашем детском саду.

До шести с половиной лет, почти до школы, мама брала меня с собой в женскую баню. Сорок второй год, война, маленький городок на Каме. О ванне, о душе там и не слышали.

Однажды мы ее встретили в бане. Мама остановилась, заговорила с ней. Я деликатно отошел в сторонку. Понимал, что нехорошо, не положено, но не мог оторвать глаз от ее волшебного тела. У Зинаиды Серебряковой есть картина «В бане». Молодые женщины, красавицы, с упругими бедрами, длинными русыми волосами, с налитыми, чуть опущенными под своей тяжестью грудями моются в бане. Чудо, как хороша, как притягательно красива эта картина!

Так, наверное, выглядели и эти две молодые женщины, полные сил, здоровья, еще нерастроченной красоты. Моя любовь почувствовала

недетский взгляд, прикрылась тазиком, который держала в руке. Да и мама что-то почувствовала.

Больше меня мама с собой в баню не брала.

В БАРАКАХ

Почти все свое детство и юность я прожил в бараках. Было два счастливых года в маленьком городишке на Волге, а потом опять большой город, бараки. Помню, я уже в старшие классы ходил, а спал на полу, под столом. На столе — сестра, студентка университета. Маленькая, 12-метровая, комнатка, и в ней — мать, бабушка, мы с сестрой, а за занавеской кашляет, умирает от чахотки мой дед.

У Высоцкого есть песня про «коммуналку»: «на тридцать восемь комнаток всего одна уборная»... А тут на девять бараков одна. Жуткое дело.

В бараках жили рабочие Казанского авиационного завода. Люди в основном воевавшие, прошедшие убийственную войну.

Главным развлечением у нас, пацанов, была свалка. Высокие горы отходов из заводских цехов. Десятки или даже сотни тонн сверкающего великолепия. Блестящая стальная стружка, втулки, гайки, шайбы, болты, медные и алюминиевые пластины, разноцветная проволока и прочие детали. Часами бродили мы по металлическим склонам этих гор, отбирая все, что радовало глаз и могло пригодиться в мальчишеском хозяйстве.

Жили в бараках по-разному. Бывало, песни вместе поют, бывало, ругаются.